

ОБЗОРЫ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Д. И. ОРТЕНБЕРГ

ДОБЛЕСТЬ *

В годы Великой Отечественной войны, пожалуй, не вышло ни одного номера «Красной звезды», в котором бы не принимали участия писатели. Недавно мы, старые краснозвездовцы, вспоминали писателей, сотрудничавших тогда в газете в «штате» и вне «штата», и насчитали мы по памяти 37 человек. Но память, оказывается, нас подвела. Изучение «Красной звезды», произведенное автором публикуемого ниже обзора, Л. Р. Ланским, свидетельствует, что число это надо значительно увеличить.

А сколько литераторов работало во фронтовых газетах, в армейских, дивизионных?

История еще не знала примеров, когда столько литераторов встало бы в ряды военных журналистов и своим писательским оружием помогало народу в борьбе за свободу и независимость, как это было в Великую Отечественную войну.

Нельзя без волнения и гордости вспоминать об их самоотверженности и воинской доблести. Хотя от военных событий тех дней нас отделяет два с лишним десятилетия и многие детали стерлись в памяти, но одно я твердо и непоколебимо помню: среди наших писателей, как и среди всей журналистской рати «Красной звезды», не было людей растерявшихся, унылых, равнодушных. Не было их и в тяжелые первые дни войны, не было и позже. Не было ни паники, ни смятения даже в самые критические периоды. Наоборот, в сердце каждого была вера в победу и готовность бороться за нее.

Ни один из писателей-краснозвездовцев за всю войну не опозорил писательского имени, не замарал звания бойца центральной военной газеты. На фронте писатели, журналисты «Красной звезды» вели себя достойно, смело. Они шли навстречу опасностям, не шадя ни крови, ни самой жизни, — и это говорится не ради красного словца.

Конечно, люди были разные. Одни более талантливые, другие менее. Одни более оперативные, другие менее. Но под огнем все, если так можно сказать, были «уравнены» в своем самоотверженном труде. И чтобы быть справедливым, нужно назвать всех, или почти всех тех, кто в годы войны заполнял своими боевыми материалами полосы центральной военной газеты. Это и сделано в обзоре Л. Р. Ланского.

Илья Григорьевич Эренбург в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» писал, что «из всех сотрудников газеты Ортенберг больше всех любил Симонова: вероятно, киплингские нотки, которые проскальзывали в очерках и стихах молодого Симонова, отвечали его наклонностям»¹. Если Эренбург под «киплинговскими нотками» понимает немногоречивую мужественность, то в этом его замечании есть известная доля

* Генерал-майор Д. И. Ортенберг (Вадимов) был ответственным редактором «Красной звезды» с 1941 по 1943 г. Эти воспоминания написаны им для настоящего тома «Литературного наследства».

истины. Нам, в редакции, нравились суровые мужественно-сдержанные военные очерки Симонова. Но особенно в редакции любили Симонова за его безотказность и смелость. Симонов был одним из тех, кого редакция «безжалостно» «бросала» с одного самого острого и трудного участка фронта на другой — от Баренцова до Черного моря. И мы знали, что он всегда проберется в пекло боя, не остановится перед любыми трудностями и опасностями и свое дело сделает.

В августе 1941 г. Симонов «уговорил» моряков в Севастополе, и его взяли в плавание на подводную лодку, направлявшуюся к румынским берегам для минирования выходов из портов Констанцы и Арну. Это был первый писатель, сходявший в подводное плавание — необычное и особо опасное. За «самоволку» Симонову от редакции «попало», но в то же время его инициатива и смелость, конечно, вызвали одобрение. В октябре Симонов вернулся из Крыма в шинели, пробитой осколками мины и пулями. Он, оказывается, был у Чонгара на Арабатской стрелке и во время боевой «заварухи» ходил в атаку с ротой бойцов, вместе с комиссаром Николаевым, поднимая под огнем молодых, необстрелянных солдат. В ночь с 6 на 7 ноября этого же года на Севере, в Баренцовом море, Симонов в качестве рядового бойца отправился на катере с группой морских разведчиков на операцию в глубокий тыл врага. Я видел Симонова в Сталинграде, в сентябрьские дни и ночи 1942 г., среди пылающих кварталов города и на первой линии огня в батальонах и ротах. Я помню его и под конец войны по 38 армии, где я в 1944—1945 гг. был начальником политотдела армии, такого же бесстрашного и «отчаянного». Он настаивал, чтобы его пускали всё дальше и дальше, из полка — в батальон, из батальона — в роту, пока ему не говорили: «Дальше — некуда, дальше — немцы!» Симонов был первым из писателей награжден в Великую Отечественную войну боевым орденом «Красное знамя».

Бесстрашие другого корреспондента «Красной звезды», Ильи Григорьевича Эренбурга, его «способность» лезть под огонь меня искренне удивляли. А ведь в годы войны он был уже не молод. То, что он писал, было настолько ценно и важно, что вряд ли кто упрекнул бы «штатского» писателя за относительно тыловой образ жизни. Упрекнул бы один человек: он сам. И потому Эренбург стремился на передовую. Илью Григорьевича настолько любили и ценили на фронте, что его появление в ведущих бой передовых частях порой вызывало противоречивые чувства — и радости и тревоги. Люди удивлялись, как он попал сюда, и меня, случалось, даже укоряли: зачем я разрешаю Эренбургу рисковать? Что я мог на это ответить? Попробовал я как-то не пустить Илью Григорьевича — но, кроме неприятностей, ничего не получилось. Летом 1941 г. поехал я с Эренбургом на Брянский фронт. Начальник политуправления фронта дивизионный комиссар Макаров повел нас в полк, только что отвоевавший у немцев какую-то деревушку, кажется Красное, — в те дни всеобщего отступления и это считалось знаменательным событием. Мы пришли на командный пункт полка, а там, воспользовавшись тем, что Эренбург увлекся опросом пленных, «ускользнули» в Красное, куда надо было добираться под огнем неприятеля, местами и ползком. Не прошло и часа, как вдруг, к нашему удивлению, появляется Эренбург и устраивает нам, не зирая на «табель о рангах», разнос — такой, какие он умеет делать, — едкий и неотразимый. С тех пор во время поездок на фронты, и со мной и с другими работниками редакции, Эренбург зорко следил, чтобы его не «обманули».

Неустрасимым человеком был и Алексей Сурков. Его справедливо звали у нас окопным писателем, пенцом солдатских дум. Достаточно вспомнить его знаменитую «Землянку». Только в начале войны он слетал на ТБ на ночную бомбардировку Велижа, а обычно его можно было найти в пехоте — у пулеметчиков, разведчиков, бронбойщиков — где угодно, но только не в больших штабах, к которым он всегда питал предубеждение, даже, пожалуй, чрезмерное, считая, что это вообще не место для собирания материалов.

Сам поэт вспоминает об этом:

«Ну что я могу сообщить о своих солдатских „подвигах“? Из окружения с боем я солдат не выводил, в атаку оробевшие взводы не поднимал, доты своим телом не закрывал — чего не было, того не было. Просто я всю войну ездил на попутных полуплуторках и в теплушках, набираясь там главным образом народной мудрости о войне. Старался

не задерживаться в районе фронтовых и армейских штабов, черпая вдохновение в оперативных отделах, а старался, по возможности, скорее добраться до полка и батальона, где собственно и делалась история войны в первой инстанции.

Что мне запомнилось за четыре года войны?

В июле 1941 г., мы, группа работников газеты и армейского политотдела, спросив услыхав страшную палубу и „непроверенный“ слух, что 18 танковая дивизия заняла Великие Луки, въехали в этот город на полutorке раньше наших войск, которые обошли его с боков... В августе того же года мы с покойным П. Лидовым возле города Жлобина участвовали в разведке боем. В конце ноября 1941 г., попав со штабом одного из полков 9 гвардейской дивизии в окружение под Истрой, вместе со штабниками и нашим фотокорреспондентом Батем отбивались от автоматчиков и с наступлением темноты выходили из окружения с боем. Ну, мы там делали то, что делали другие — ни больше, ни меньше.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 146 (4901)

24 июня 1941 г., вторник

ЦЕНА 16 КОП.

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ НОМЕР ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

24 июня 1941 г., № 146

Заголовок

Во время отступления из-под Валуек на Россось мы с П. Олендером почти заскочили к немцам около Острогжска и едва уткнулись под пулеметным и минометным огнем. Примерно то же случилось через год в районе Чаус, где мы, перепутав дороги, в темноте подъехали под немецкий передний край на полutorке, и я до сих пор не могу представить, как мы ушли из-под густого минометного огня и не подорвались на минах. Вообще же, находясь на полковых и батальонных НП или заползая в окопы переднего края беседовать с солдатами и офицерами, приходилось в те минуты и часы делать то, что делали они. Однако, повторяю, подвигов воинских, таких, о каких приходилось писать, показывая наших солдат и офицеров, мне не довелось совершить. Это грустно, но, увы, факт.

Были бомбежки (бессчетные), были артобстрелы, были противные случайности, вроде острогжской, но подвигов не было»².

Писатель Александр Кривицкий оказался той «военной косточкой» среди литераторов-журналистов, о которой он писал недавно в одном из своих рассказов. Дело в том, что в «Красную звезду» он пришел работать еще в мирное время, задолго до войны, серьезно изучал проблемы воинской психологии, много писал на различные армейские темы. Кажется, что самая должность его — начальника литературного отдела газеты — должна была его намертво «приковать» к редакционному столу «Красной звезды». Но его беспокойная натура рвалась на фронт, и он действительно регулярно бывал в войсках все четыре года — от Москвы до Берлина. На утлом самолетике ПР-5 Кривицкий летал через линию фронта к брянским партизанам. Он уходил из горящего Воронежа, добрался до танковой армии генерала Лизюкова и был участником свирепых боев у Суховерейки, на скоростном бомбардировщике он прилетел в Бухарест за несколько часов до вступления наших войск в столицу Румынии, с танкистами Рыбалко он вошел в Прагу. Я не рассказываю здесь военных биографий, но для психологической характеристики этого писателя хочу привести такой факт.

Осенью 1941 г., в дни самых ожесточенных боев за Москву, мы ездили с Кривицким в 20 армию. Облазив окопы одной из дивизий, Кривицкий вечером вернулся в штаб армии. До поздней ночи он беседовал с командующим, потом тот ушел в штабной блиндаж, оставив Кривицкого ночевать в своей избе. Ночью немцы открыли по деревушке такой сильный артиллерийский огонь, что хаты ходуном ходили. И вот командующий — он любил позировать перед работниками печати — звонит к себе в избу и спрашивает Кривицкого:

— Вы что делаете?

— Сплю,— отвечает тот хриплым от сна голосом.

— Вы не беспокойтесь, я сейчас прикажу открыть контрбатарейную стрельбу, и фрицы замолчат...

— Я во сне никогда не беспокоюсь,— спокойно, со своим обычным юмором отвечает ему корреспондент.

Командующий тут же отдает приказ о контрбатарейной стрельбе, а потом поворачивается ко мне и спрашивает:

— Что за человек у вас Кривицкий?

— Обыкновенный... С подначкой...

Незаслуженно мало сказано до сих пор о писателе Василии Павловиче Ильенкове, которого я знал еще по финской войне как храбрейшего человека. Тяжело раненный в феврале 1943 г. на Калининском фронте, так полностью и не оправившийся после ранения Ильенков, однако, до конца войны выезжал в действующие армии и писал очерки и рассказы.

Только недавно, на вечере, посвященном творчеству Бориса Лапина и Захара Хацревина, погибших в киевском окружении, я узнал, что Хацревин, отбывая в эту свою последнюю командировку тяжелобольным, с температурой в 40 градусов, больше всего боялся, чтобы об этом не узнал редактор и не отменил его поездку.

Группа, в которой были журналисты и писатели, пробивалась из окружения. Несмотря на требования истекавшего кровью и обреченного на смерть Хацревина оставить его и не губить себя, Лапин на своих плечах вынес друга из болотной топи в лес, где они оба потом погибли.

Много можно рассказать о героизме — я не боюсь этого, быть может, громкого слова — старого солдата Николая Тихонова, импульсивного Петра Павленко, выносившего Василия Гроссмана, неугомонного Михаила Розенфельда, терпеливого Бориса Галина и других писателей и журналистов нашей газеты.

О храбрости, неустрашимости, презрении к смерти идет давний философский спор, он продолжается и сейчас. Одни говорят, что к опасности привыкают. Другие говорят, что когда человек занят на войне делом, ему некогда думать об опасности. Третьи считают, что есть какая-то фатальная неизбежность: кому суждено, тот выживет. Многие пишут, что быть храбрым — значит всей своей волей, всей силой сознания той задачи, во имя которой ты жертвуешь жизнью, подавить в себе инстинкт боязни.

Так или иначе, но проверка огнем была и у нас высшей оценкой человека.

В памятный для москвичей октябрь 1941 г. в редакцию пришел Федор Панферов. Он просил взять его на работу корреспондентом и тут же рассказал, что ему предложили выехать на фронт, но он был болен, не мог выехать и написал об этом Сталину, а Сталин передал его письмо в Партколлегия при ЦК и рекомендовал исключить его из партии. Я не знаю, какое решение приняла Партколлегия и чем все это кончилось, я не стал вникать в подробности и проверять. Я ответил Панферову, что согласен, но что он должен немедленно выехать в Действующую армию. Я был глубоко убежден, что никто, в том числе и Сталин, не сможет отказать кому бы то ни было в праве пройти самую высшую для человека проверку — проверку огнем. Тут же был подписан приказ. Панферову выдали обмундирование, нацепили три шпалы, и он выехал в войска, оборонявшие столицу на Вяземском направлении. Поехал Панферов вместе со Ставским. А кто поедет на фронт вместе со Ставским — я хорошо знал его еще по Халхин-Голу и финской войне, — тот уже наверняка «напюхается» пороху. Вместе со Ставским Панферов попал в гущу боев и вел себя там достойно и мужественно, в чем я заранее

В ДНИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг (Вадимов) и К. М. Симонов

Фотографии В. А. Темина, сентябрь 1942 г.

Собрание Д. И. Ортенберга, Москва

Верхний снимок — на паромах во время переправы через Волгу. Нижний — К. М. Симонов заканчивает очерк («Бой на окраине», Д. И. Ортенберг его редактирует, телеграфистка ведет передачу; очерк напечатан в «Красной звезде» 18 сентября 1942 г.

был уверен после разговора с ним в редакции. Вскоре в «Красной звезде» появились военные корреспонденции Панферова из Действующей армии. А через некоторое время мне позвонил Сталин. Он ничего не спрашивал, не ругал нас и не хвалил, а только сказал: «Печатайте Панферова».

Отвага наших писателей не была простой удалей. Они просто понимали, что в такое суровое время нужно быть там, где решается судьба Отечества и где они своим пером могут принести больше всего пользы. А в редакции ревниво относились к тому, как ведет себя писатель, журналист на фронте. Нам не безразлично было из каких материалов делается газета. Она должна была дышать боем. А чудес, как известно, не бывает. Материал из третьих рук — не материал. Нужно было отправиться на линию огня и писать то, что видишь своими глазами.

Это понимали наши писатели, наши журналисты. Они понимали, что газету надо делать чистыми руками. Чтобы иметь моральное право поставить над своими очерками и корреспонденциями заголовки «Ни шагу назад», «Смерть или победа», чтобы звать людей к самопожертвованию, надо жить одной жизнью с солдатами, делить с ними невзгоды и опасности.

Константин Симонов, вспоминая перипетии, в которых ему довелось бывать, говорил: «Крайне важная сторона работы военного корреспондента — хотя бы в какой-то мере знать по собственному опыту то, о чем ты расспрашиваешь других. С этой точки зрения, адресованное военному корреспонденту требование редакции „Красной звезды“ видеть как можно больше своими глазами — было требованием верным не только с точки зрения точности информации и щепетильности газеты, не только с точки зрения журналистской нравственности, но и с точки зрения самой журналистской работы, самого ее качества. <...>

В редакции, конечно, понимали, что журналист не может всего видеть на фронте и не может писать только о том, что он видел своими глазами. Но зато было одно беспощадное и твердое требование — не делать вида, что ты видел своими глазами то, чего ты не видел. Если ты написал в корреспонденции: „Я был там-то“, то значит, это должно точно соответствовать действительности. Если ты не видел, напиши, кто это видел и с чьих слов ты говоришь о том или другом событии. Мне это редакционное правило нравилось, и я стремился ему следовать»³.

Я говорил о воинской доблести наших писателей, журналистов. Но в отличие от других солдат, офицеров, генералов — у военного литератора, чьим оружием является слово, должно быть мужество не только военное, но и писательское: смело изображать правду жизни, а на войне — и правду смерти. Ибо только правда, пусть порой суровая и горькая, но искренняя и чистая, может «жечь глаголом» сердца людей, возвышать их душу, звать на подвиг и самопожертвование.

«Жизнь стала суровой. Люди стали сосредоточеннее, задумчивее», — говорил Михаил Иванович Калинин в своем выступлении на комсомольском совещании в сентябре 1942 г. Следовательно, указывая он, и печатное и живое слово должно соответствовать изменившейся обстановке. Калинин сурово критиковал некоторые очерки и статьи в центральных газетах за выпренность, декларативность, хвастовство, шумиху, высокопарность, считая это неуважением к людям, проявляющим подлинный героизм, неуважением к читателям. Он звал рисовать правдивую картину войны, «правдиво говорить о переживаемых людьми трудностях».

24 сентября 1942 г. «Красная звезда» опубликовала очерк Симонова «Дни и ночи». В тот же день М. И. Калинин позвонил в редакцию, похвалил этот очерк и все допытывался, живые ли персонажи выведены автором в нем. Да, это живые люди и подлинные факты. Я был тогда с Симоновым в Сталинграде и этих людей видел и говорил с ними. Так я ответил Калинин.

— Это хорошо, — сказал он.

А через три дня, на упомянутом выше совещании Михаил Иванович сказал: «Не знаю, читали ли вы последнюю статью Симонова „Дни и ночи“. Я должен сказать, что она хорошо построена. Вообще его статьи дают реальную картину боев. В последней статье соблюдены все пропорции и соотношения. Статья написана сдержанно. С внешней стороны это как будто бы сухая хроникерская запись, а по существу — это работа художника, картина, долго незабываемая». М. И. Калинин привел большие выдержки

из очерка, с особой силой подчеркивая, что это «правдивая картина боев за Сталинград»⁴.

Помню, в июне 1942 г. пришел к нам в редакцию Евгений Петров. Он сообщил, что едет в Севастополь, показал командировку одной из московских газет и сказал, что хотел бы писать в «Красную звезду». Но он поставил перед нами одно условие. «Я еду, — заявил он, — в такой город, откуда можно писать только правду. Если будете ее печатать, пришлю вам очерки».

Петров прорвался сквозь кольцо вражеской блокады в осажденный Севастополь и прислал нам очерк о Севастополе — первый за эту поездку и последний, появившийся в печати при его жизни. В очерке была суровая правда. Его и сейчас нельзя читать без волнения. Он был напечатан без единого изменения. Вот заключительные слова этого очерка:

«Когда моряков-черноморцев спрашивают, может ли удержаться Севастополь, они хмуро отвечают:

— Ничего, держимся.

Они не говорят: „Пока держимся“. И они не говорят: „Мы удержимся“. Здесь слов на ветер не кидают и не любят испытывать судьбу. Это моряки, которые во время предельно сильного шторма на море никогда не говорят о том, погибнут они или спасутся. Они просто отстаивают корабль всей силой своего умения и мужества»⁵.

Этими заключительными словами своего очерка Евгений Петров сказал, что Севастополь может быть сдан. Стоит вспомнить то время, чтобы стало понятным, каким надо было быть смелым и честным, чтобы написать эти слова и требовать, чтобы они были опубликованы вопреки успокоительным сводкам.

Конечно, нелегко было это делать в условиях тех лет. Существовали строгие ограничения военного времени. Они понятны и законны. Но были и ограничения, порожденные «порядками», сложившимися в ту пору, порядками непонятными и нелепыми. Состояли они в том, что редакциям газет почти не разрешалось сообщать ничего сверх того, что содержалось в сводках и сообщениях Совинформбюро. Разрешалось лишь «развивать» и комментировать эти сообщения. Не раз снимались с полосы статьи, очерки и другие материалы только потому, что Совинформбюро не успело еще сообщить о том или ином событии. Именно не успело, а не по каким-либо другим существенным причинам.

Так произошло, в частности, со статьей Алексея Толстого «Кровь народа». Эту статью, написанную, можно сказать, кровью сердца, нельзя было читать без глубокого волнения. Толстой впервые во всеуслышание рассказал в ней, что советские люди, отступая из Запорожья, сами, своими руками взорвали Днепрогэс — первенец нашей пятилетки, построенный тяжелым трудом народа. С большой художественной силой, без сенсации и шумихи, писатель объяснил почему это сделано. Статья звала народ к самоотверженной борьбе с врагом. Алексей Николаевич много работал над этой статьей, требовал от нас дополнительных материалов, несколько раз переделывал ее. Но статья была снята. «В сообщениях Совинформбюро об этом еще ничего не говорилось», — вот и все объяснения. И только через неделю, 19 октября 1941 г., в кризисные для Москвы дни, когда сами события тех дней требовали от газет писать всю правду, мы эту статью напечатали уже сами.

Незабываемым для всех нас было выступление в газете 1 августа 1942 г. Александра Довженко. В середине июля 1942 г. Довженко был в редакции. Положение на фронте тогда было крайне тяжелым, критическим, и мы просили Александра Петровича дать нам очерк или рассказ, который бы «перевернул» душу солдата. И вот 31 июля Довженко принес свой рассказ «Ночь перед боем». Он читал его вслух, и когда закончил, мы стояли онемевшие, потрясенные поэтической силой этого произведения. Я спросил Довженко: читал ли он приказ Сталина № 227 от 28 июля? Нет, он не знал этого приказа.

А приказ этот был исключительный по силе. Изданный в связи с глубоким прорывом немцев в сторону Волги и Кавказа, приказ требовал остановить врага. «Ни шагу назад», — говорилось в нем. Но в приказе были и другие слова: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаро-

ываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на Восток».

Горькие, суровые слова, но необходимые в тот период чрезвычайно трудного положения! Наша печать об этом тогда не писала, да и сейчас почему-то «стесняется» говорить об этом, хотя сам приказ и то время стали уже достоянием истории.

Александр Довженко с большой прозорливостью и смелостью изобразил в своем рассказе думы народные. Рассказ был написан сочным, колоритным языком, затрагивал самые тонкие струны человеческой души. Довженко описывает нелегкий разговор украинских дедов-перевозчиков у переправы на Десне с отступающими бойцами. Само воплощение героической природы народа, они, эти деды, с непримиримой беспощадностью бросают в лицо бегущим воинам обвинения в трусости. С горечью, презрением и едким сарказмом говорят они о тех, кто забыл свой воинский долг и отдает родную землю на заклятие врагу.

Вот один из диалогов. Рассказывает о нем командир-танкист Петро Колодуб в ночь перед боем молодым бойцам.

«Тикаете, бисовы сыны? — спросил нас дед Платон Пивторак, выходя из сеней с веслом, сетью и деревянным черпаком. — Богато я уже вас перевез. Ой, богато, да здоровые все, да молодые, да все — перевези да перевези... Савка! — крикнул Платон в соседнюю хатку. — Пойдем, Савка. Надо перевозить — нехай уж тикают. Га?! Пойдем, пойдем, это уже, мабуть, последние! <...>

— Э-ге-е! Что-то вы, хлопцы, не той, не как его, не туда будто идете, — сказал дед Савка и хитро посмотрел на нас. — Одежда вот на вас новая, да и торбочки, и ремни, эге, и сами молодые, а заворачиваете неначе не туды, га? <...>

— Не знаю, чего они так тикают? — сказал дед Платон, идя с Савкой к реке, как будто нас тут вовсе и не было. — Чего они так той смерти боятся? Раз уж война, так ее нечего бояться. Уж если судилась она кому, так и не сбежишь от нее никуда.

Из фронтовой жизни

Алексей ТОЛСТОЙ

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Из рассказов
Ивана Сударева

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
МОСКВА — 1944

«РУССКИЙ ХАРАКТЕР»

Первое отдельное издание рассказа
А. Н. Толстого. М., изд-во «Правда», 1944

Обложка

Впервые рассказ был опубликован
в «Красной звезде» 7 мая 1944 г.

«СТАЛИНГРАДСКАЯ БЫЛЬ»

Первое отдельное издание очерка
В. С. Гроссмана. М., Воениздат,
1942

Обложка с автографической надписью писателя. Впервые очерк был опубликован в «Красной звезде» 20 ноября 1942 г.

Литературный музей, Москва

— Эге! — согласился Савка. — Уж, как говорится, ни в танке не спрячешься, ни в печи не замаяжешься.

— Душа несерьезная, разбалованная. — сердился Платон. — Ты возьми моего Левка. Как он на Халхин-Голе тех самых, как их, бил? Всех до одного вычистил! Читал письмо? Полковник Левко Пивторак, я понимаю! А это казна-що, не люди. <...>

— Ну, спдайте, повезем. Чего стали? — сказал дед Платон. Он уже стоял с веслом возле челна.

— Повезем уже, а там — что бог даст. Не умели соблюсти себя, так уже повезем, тикайте, чёрт вашу душу бери... Куда ты шагаешь? Челна не видел, воин? — загремел дед на кого-то из нас.

Мы молча уселись в лодку, и каждый стал думать свою невеселую думу. <...>

— Эге! — подхватил Савка. — А не знают, тряса их матери, что уж кому на войне судилось помереть, так не выкрутишься, никакой чёлн тебя не спасет. Не догонит пуля, догонит воша, а война свое возьмет... Бери влево! Быстрина велика, — захлопал Савка веслом.

— Беру. Коли б мой Левко со своим полком был тут, тот бы не отступил, нет. Тот бы этого челна повернул назад, да по шеям, по шеям! — рассердился Платон и налег на весла. — Тот не отступит, нет, чёрта с два!

— Эге! Вот такой и мой Демид. Его хоть огнем жги, хоть на шматки режь, ну не отступит. Куды твое дело! — сказал Савка и плюнул в ладони.

— А ци думают спастись, а оно, гляди, выйдет на то, что долго будут харкать кровью. Это же все доведется забирать назад!

— А доведется, — подхватил Платон и со всей силы гребнул веслом три раза. — Шутка сказать, сколько земли надо отбирать назад. А это же всё кровь!

Я смотрел на деда Платона и с трепетом слушал каждое его слово. Дед верил

в нашу победу. Он был для меня живым и грозным голосом нашего мужественного народа»⁶.

Так же как трудно пересказать стихи, так трудно пересказать «Ночь перед боем». Это надо прочитать целиком.

Мы сразу же сдали рассказ в набор. Вскоре была готова верстка — «стояк» в четыре колонки. Большими буквами было набрано: «Ночь перед боем», а под ним: «Рассказ». Но редактор есть редактор. Ему не положено только восторгаться хорошим материалом. И вместе с Довженко, в течение трех часов, мы вычитывали слово за словом, строчку за строчкой рассказ. Правка была незначительной. В минутные передышки Александр Петрович рассказывал, где он встречал этих дедов.

— Это сама жизнь, — объяснял он.

— Если так, — спросил я, — может, снимем подзаголовок «рассказ»? Пускай его читают, как очерк, как документ.

— Да, так будет лучше, — согласился Довженко.

— А вы не боитесь, что мы погрешим против литературных канонов?

Александр Петрович рассмеялся:

— А я это всю жизнь делаю...

Первого августа газета вышла с опозданием на два часа, почти утром. Но зато на третьей полосе была «Ночь перед боем» Довженко. А на следующий день в редакцию позвонил секретарь ЦК. Он спросил: «Где Довженко?» Его в редакции не было. «Передайте ему, — сказал секретарь ЦК, — благодарность Сталина за очерк. Он сказал народу, армии то, что теперь и надо было сказать».

В армии с волнением читали «Ночь перед боем». Люди понимали, что писатель раскрыл в нем идею приказа № 227. Но они не знали, что Довженко задумал и начал писать свой рассказ тогда, когда еще не было этого приказа. Просто он был на войне, он видел правду жизни, почувствовал веление времени и мужественно написал об этом.

Мужественные на огневых рубежах и мужественные в творчестве — такими были писатели «Красной звезды».

В годину тяжелых испытаний советские писатели были с народом, те из них, кого я знал и с кем работал в «Красной звезде», не искали для себя привилегий, не рядились в одежды жрецов искусства. Они надели военную форму и стали солдатами, а «солдат», как известно, — имя общее, равно почетное и для рядового бойца и для военачальника.

В старину у некоторых народов был обычай даже в мирное время возводить дружбу людей в степень братства, скрепляя его кровью. Они назывались побратимами. Мужество наших писателей, кровь, пролитая ими в боях за свою Отчизну, навеки сделали их побратимами советского солдата-героя.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Новый мир», 1963, № 1, стр. 93.

² Из письма А. Суркова от 12 февраля 1965 г., присланного им мне в связи с подготовкой моих мемуаров о «Красной звезде».

³ Из стенограммы моей беседы с К. Симоновым 12 января 1965 г. в связи с подготовкой моих мемуаров о «Красной звезде».

⁴ М. И. К а л и н и н. О некоторых вопросах агитации и пропаганды. Речь на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде 28 сентября 1942 г. — Цит. по сб.: «М. И. Калинин об искусстве и литературе». М., Гослитиздат, 1957, стр. 124—136.

⁵ Очерк «Севастополь держится». — «Красная звезда», 1942, № 147, 25 июня.

⁶ «Красная звезда», 1942, № 179, 1 августа; вошло в кн.: А. Д о в ж е н к о. Зачарованная Десна. Рассказы. Из записных книжек. М., «Сов. писатель», 1964.